

Российской Федерации. Рядом с профессором трудятся его ученики. Стали кандидатами наук, успешно защитив диссертации по актуальным вопросам фразеологии А. В. Жуков, Л. Н. Сергеева, Н. И. Лавров и др. Под руководством Власа Платоновича работает проблемная группа, которой по плечу решать сложные исследовательские задачи.

Кавалер орденов «Отечественной войны» 1-ой степени, «Красной Звезды» и «Знак Почета», заслуженный деятель науки РСФСР В. П. Жуков – педагог в самом широком и высоком смысле этого слова.

– Какие черты в ученом Вы считаете главными? – спросили у Жукова.

– Те же, что и в любом другом человеке, – ответил он. – Прежде всего, честность. Настоящий честный человек честен абсолютно во всем. Ну и, конечно, преданность своей цели.

Влас Платонович Жуков честно взял многие рубежи. Взял, потому что всегда был по-рыцарски предан своей цели – служить Русскому Слову.

Станислав Десятков

Баржа, гружённая яблоками

С Власом Платоновичем Жуковым я познакомился в том самом 1961 году, когда он только что переехал в Новгород из пыльного, знойного и рыбного Гурьева, где работал в пединституте. Поселили его тогда в двухэтажном белоснежном домике, представлявшем собой какое-то подобие ректорской гостиницы. Тут же проживали и преподавательницы-пенсионерки. Две из них были такими любителями кошек, что дюжины мартовских котов вопили по вечерам под стенами домика, за что тот и удостоился прозвища "кошкин дом".

Летом 1961 г. поселился в этом домике и я, присланный сюда из Ленинградского пединститута имени А. И. Герцена стажером на летнюю сессию. После душного Питера, окутанного чадом и дымом заводов и выхлопными газами тысяч авто, после суеты Невского проспекта, рядом с которым размещалась наша аспирантская общага, Новгород покорила меня своей чистотой, тишиной и неспешностью. Величаво плыли по Волхову тяжелые баржи, весело стучали по мостовым телеги, запряженные здоровенными битюгами, на улицах одного прохожего от другого отделяло не менее десяти метров. Торговая сторона застроена была тогда преимущественно разноцветными де-

ревянными домиками, со своими огородами и садами, а меж зелени дерев улыбались купола знаменитых новгородских церквей.

Вечерами мне с моим соседом по Кошкиному дому хорошо сиделось на берегу Волхова, в чистые прохладные воды которого мы окунались после лекций. По вечерней зорьке мы там же ловили рыбу и варили уху. Весело трещал в сумерках костерок, шаловливо булькала ушица, за спиной белела ограда Антоньевского монастыря и высились византийские купола его церквей. Мне всё казалось, что после Невского проспекта с его миллионной толпой я попал в какой-то сказочный мир, а Влас Платонович, колдующий над ухой, представлялся весёлым красноносым волшебником.

– Да где это вы, Влас Платонович, на рыбного повара выучились? – спросил я как-то своего ученого кашевара. Он в ответ усмехнулся как-то по-доброму (была в этой усмешке и лёгкая ирония над своей судьбой и улыбочивость к хорошим воспоминаниям) и ответил неспешно. – Что сказать тебе, друже! Поварская школа у меня была тройная, как эта монастырская уха. Сначала в родительском доме в деревне Трехалёво Псковской губернии, где мы, пацаны, в ночном часто у костерка рыбкой баловались, затем на фронте, где редкая рыбалка в солдатском походе, что допаяк к вещевому довольствию, ну а потом в Гурьеве. В Гурьеве там в Яике рыбы, как в море, и само море рядом – он закрывал глаза, точно ослеплённый сиянием безбрежного Каспия. – Да что ж вы уехали от моря-то? – удивился я. – Да с годами к родным пенатам тянет, вьюноша! – ответил он опять же не без усмешки. А потом: – Куплю я в своей деревне иль поблизости маленький домик и буду летом своих сыновей на рыбалку водить. Их у меня четверо, сыновей-то! – отвечал он мне уже не без гордости.

Но мне, беспечному неженатому аспиранту, осваивающему рок-энд-ролл на питерских танцульках, эта отцовская гордость была тогда непонятна. А ведь то была гордость солдата, прошедшего через всю Отечественную, трижды раненного, последний раз в Берлине за девять дней до Победы, и всё вынесшего и перенесшего, чтобы создать свою семью, свой мирный очаг, где он мог растить своих сыновей и писать свои добрые и нужные русским людям книги. – Да что Гурьев! – он подышал на свою деревянную рыбацкую ложку с горячей ухой, отхлебнул и решительно заключил: – Рыбы в Гурьеве много, но сторона та чужая, а здесь... Видишь, идёт баржа, а запах от неё яблочный!

И впрямь мимо нас неспешно проплывала баржа, груженная яблоками, и сладкий яблочный аромат долетал и до нашего тихого берега. И мне стало вдруг грустно, что завтра я уезжаю, возвращаюсь в суету, шум и гам миллионного города, расстаюсь с этим отзывчивым и добрым человеком, в котором не было ни капли учёной заносчивости, хотя он уже давно защитил диссер-

тацию и проходил в Новгороде на должность завкафедрой русского языка. – Э... да ты что-то смурной! – сказал он утром прощаясь. – Не скучай, – как знать, может учёная судьба и приведёт тебя ещё в наши веси. Я-то здесь навсегда на якорь встал!

И впрямь, когда через десять лет судьба снова занесла меня на берега Волхова, первым знакомым, которого я встретил в гулких семинарских коридорах НГПИ, был Влас Платонович. К тому времени он был уже доктором наук и профессором, автором ста научных работ, хорошо знакомых филологам. Один из ленинградских специалистов, узнав, что я отправляюсь навсегда в Новгород, рассмеялся и махнул рукой: – Ну, во-первых, я не верю, что ты и навсегда. Хотя... – он задумался. – Вот ведь Влас Жуков, такой классный спец, а, похоже, навсегда остался в Новгороде. Да, судьба учёного – это поход, а в конце похода всегда стоянка.

Влас Платонович за эти десять лет почти не переменялся – всё такая же ироническая усмешка и раскатистый смех, при котором он так смешно морщил свой нос а la russe. Только вот походка стала медленной и при ходьбе он как-то стал склоняться вправо – скорее всего от тяжеленного "профессорского" портфеля, набитого книгами, лекциями и работами студентов и аспирантов.

И с каждым годом, по мере того как он выпускал из института всё новых и новых учеников, этот портфель всё тяжелее тянул его к новгородской земле, в которую он тихо лёг на Рождественском кладбище. Но и сейчас, по прошествии многих лет, Влас Платонович мне представляется всё тем же лукавым волшебником, в сумерках улавливающим яблочный аромат с проходящей по Волхову тяжелогружёной баржи. Текут судьбы, течёт река.